

УДК 303.8

DOI: 10.24866/1998-6785/2017-4/178-189

*Журбей Е.В.
Zhurbey E.V.*

**Аналитические центры и внешнеполитический процесс
Таиланда: современное состояние и перспективы**

**«Think tanks» and the foreign policy process in Thailand:
current status and prospects**

Статья посвящена специфике внешнеполитического процесса Таиланда и роли в нем аналитических центров. Возрастающее влияние исследовательских центров, институтов в области внешней политики заставляют обратиться к общности и специфике аналитических центров Таиланда и их зарубежных аналогов. В статье рассматривается организация, специфика деятельности и каналы влияния на проводимую тайским руководством внешнюю политику.

Ключевые слова: *аналитические центры, исследовательские институты, внешняя политика, общественная дипломатия, внешнеполитический процесс, армия, военный переворот, экспертное сообщество*

The article is devoted to the history of the Institute «think tanks» and their role in the foreign policy process in contemporary of Thailand. Increasing influence of research centers and institutes in foreign policy makes appeal to generality and specificity of «think tanks» centers of Thailand and their foreign counterparts. The article discussed in detail the organization, specific activities and channels of influence on the ongoing Thai leadership's foreign policy.

Key words: *think tanks, research institutions, foreign policy, public diplomacy, foreign policy process, army, military coup, expert community*

8 февраля 2017 г. в Бангкоке при поддержке посольства США состоялась международная конференция, собравшая представителей девятнадцати стран по вопросу роли аналитических центров в политической и социально-экономической жизни современного государства. В качестве приглашённого гостя на конференции выступил Апхисит Ветчачива, возглавлявший с 2008 по 2011 гг. правительство Таиланда. Ветчачива заявил, что в условиях глобальных изменений и проблем аналитические центры должны играть более активную роль в обществе и быть смелее в представлении своих идей [8]. Проблемы неравенства и социальных конфликтов, насилия и угрозы военных столкновений, все чаще заставляют политиков прибегать к популистским решениям, вместо взвешенных и продуманных стратегий долгосрочного развития, которые могут быть предложены экспертным сообществом аналитических центров [8]. Политическая история Таиланда – это история периодически повторяющихся военных переворотов, посредством которых тайские военные поддерживают политическую стабильность. Стабильность имеет и обратную сторо-

ну, а именно подавляются независимые гражданские институты. Лишь с конца 70-х гг. XX в. в Таиланде началась политическая либерализация, которая характеризовалась ограниченным политическим участием, слабыми институтами парламентской демократии и сильным военно-бюрократическим контролем над институтами гражданского общества. Уже в это время в Таиланде функционировал ряд аналитических центров, связанных с ведущими университетами страны, но государственный статус университетов позволял отнести данные аналитические центры к «квазигосударственным», «правительственным» фабрикам мысли. Тем не менее, к 1990-м гг. неправительственный сектор вырос до определённого размера, что способствовало укреплению гражданского общества Таиланда, в то время как появление нового среднего класса и повышение политической осведомлённости побудили к более активному подходу к выработке внутренней и внешней политики и общественным дебатам по принимаемым тайским руководством решениям. Гражданское и военное руководство Таиланда испытывало потребность в информации о политических, социальных и экономических процессах, протекающих в тайском обществе, а также потребность в знании альтернатив и возможных издержках, рисках, последствиях принимаемых решений. Данные обстоятельства способствовали институционализации в Таиланде экспертного сообщества. Политическая система Таиланда, вбирая в себя экспертные институты, формирует свою уникальную специфику тайских аналитических центров, функционирующих в условиях авторитаризма или «нелиберальной демократии», что отличает тайские центры от подобных центров демократических стран.

Объектом исследования являются аналитические центры Таиланда, а предметом исследования является вовлеченность аналитических центров во внешнеполитический процесс и механизмы инфильтрации идей во властные институты тайского государства. Цель исследования заключается в том, чтобы оценить состояние экспертного сообщества Таиланда и его влияние на внешнеполитический процесс, а также сформулировать проблемы на пути эволюции данных центров.

Тайские аналитические центры исследовались с позиций неинституционального, структурно-функционального и системного подходов. Первый подход позволяет рассматривать «аналитические центры» в качестве устойчивых политических институтов, которые выполняют важные для общества и власти функции (например, легитимации властных решений, интеллектуальной поддержки принимаемых и реализуемых решений, лоббирования интересов и т.д.). Данный подход позволяет объяснить характер деятельности экспертных организаций Таиланда. В рамках функционального подхода стало возможным определить не только место аналитических центров в политической системе Таиланда, но и максимально полно описать набор выполняемых ими функций. Системный подход позволяет изучить аналитический инструментарий аналитических центров как совокупности методов и приёмов исследования внешнеполитического процесса Таиланда. Также автором применялся многофакторный анализ, который был направлен на комплексное изучение внутренних и внешнеполитических факторов, характерных для изучения проблематики взаимодействия аналитических центров и государственных институтов власти.

Проблематика вовлеченности аналитических центров в политический (в т. ч. внешнеполитический процесс) является объектом изучения зарубежных и отечественных политологов.

Среди западных политологов значительный вклад в изучение вопроса истории возникновения и развития аналитических центров внесли следующие авторы: Д. Эйбелсон, У. Геллнер, Ф. Каплан, Дж. Макганн, Э. Рич и Р. Уивер, Дж. Смит, Д. Стоун, а также их российские коллеги:

Н. Беляева, Т. Виноградова, И. Кобринская, Н. Нарочницкая, А. Сунгуров и др.

Представления об аналитических центрах как субъектах политического процесса, их типологии и функциональном предназначении сформировали работы следующих зарубежных учёных: У. Данн, Э. Джонсона, П. Диксона, Дж. Смита, Дж. Макганна, К. Уивера, Э. Рич. Эту же проблематику исследователи их российские коллеги: С. Дацюк, Т. Виноградова, Е. Клицунова, В. Филиппова, Ф. Войтоловский и др. Оценке влияния аналитических центров на внутривнутриполитический и внешнеполитический процесс посвящены работы таких исследователей, как Д. Эйбелсона, Э. Рича и К. Уивера, Х. Уоллэка, Д. Харта, С. Тримбата, П. Хайэса и др. Сравнительному анализу аналитических центров нескольких стран посвящены работы Д. Эйбелсона, Р. Страйка, Р. Ранквита, Д. Стоуна, Дж. Макганна и др.

Таким образом, зарубежных и отечественных исследований, посвящённых роли аналитических центров в политическом процессе государства, достаточно много, а вот исследований, посвящённых роли аналитических центров в политическом процессе Таиланда, практически нет, что дополнительно актуализирует выбранную проблематику.

Композиционно исследование состоит из нескольких разделов. Первый раздел посвящён операционализации терминов, таких как аналитический («мозговой») центр и внешнеполитический процесс. Второй раздел посвящён специфике внешнеполитического процесса Таиланда. Мы попытаемся определить ключевых участников данного процесса и роль аналитических центров в процессе выработки Таиландом внешней политики. В третьем разделе мы остановимся на ключевых (институциональных, экономических, культурных) факторах, которые способствуют или мешают целям и задачам тайских фабрик мысли. Критическое изучение практики функционирования аналитических центров в сравнительном контексте (в более ранних исследованиях изучен опыт функционирования подобных центров в Австралии, Новой Зеландии, Канаде, Сингапуре, КНР, Тайване) поможет лучше объяснить, почему аналитические центры в Таиланде имеют, за редким исключением, несравнимо меньшее влияние на внешнеполитический процесс, чем в тех же США или КНР. В четвёртом и заключительном разделе рассматриваются перспективные меры, действия и изменения, которые, в случае их осуществления, могут привести к росту значимости тайского экспертного сообщества в политическом процессе.

В своём исследовании мы будем исходить из ключевого тезиса-утверждения, что аналитические центры занимают важное место в политическом процессе. Аналитические центры получают значительное внимание и инвестиции, поскольку страны-доноры или негосударственные организации справедливо полагают, что государственная политика может повысить свою эффективность и усилиться, если она будет поддержана научно-обоснованными фактами, доказательствами. Сегодня мы наблюдаем распространение аналитических центров по всему миру – от Латинской Америки, Африки до Ближнего Востока и Восточной Азии. Они уже не являются исключительно англо-американским явлением. Фактически, можно выделить различные модели развития аналитических центров. Однако имеющиеся исследования, которые могут адекватно описывать историческое развитие аналитических центров в развивающихся регионах, явно недостаточно информативны. Следовательно, западные концептуализации аналитических центров, которые в настоящее время доминируют во всей специализированной литературе по фабрикам мысли, не всегда способны адекватно описать специфику развития аналитических центров в других частях земного шара.

Некоторые западные учёные произвели попытки операционализации и классификации аналитических центров, начиная от их политико-институционального местоположения (например, независимо от того, кто из них является независимыми, аффилированными с партией или встроенными в государство), с упором на исследования, рекомендации по вопросам участия в политическом процессе государства. Например, Кент Уивер называет их «университетами без студентов», «контрактными исследовательскими организациями» и «адвокатскими центрами» [14, p. 565]. Эндрю Рич определяет их как «независимые некоммерческие организации, которые производят интеллектуальный продукт и в основном полагаются на опыт и идеи для получения поддержки и влияния на политический процесс» [12, p. 11]. Диана Стоун идентифицирует их как «некоммерческие организации, занимающиеся анализом вопросов государственной политики независимо от правительства, политических партий и групп интересов» [13, p. 16]. Джеймс Макганн под мозговым центром понимает «независимую организацию, занимающуюся исследованием и анализом государственной политики, восполняющую потребность политиков в информации и систематическом анализе, который непосредственно связан с политикой» [11]. Многочисленные попытки операционализации термина аналитический (мозговой) центр позволяют сделать вывод о том, что исследователи сознательно избегают жёсткой операционализации понятия.

Исследователи аналитических центров сходятся во мнении, что данные центры это некоммерческие, внепартийные организации, занимающиеся изучением публичной (внешней и внутренней) политики, деятельность которых отвечает некоему набору критериев. Эти критерии в итоге отличают аналитические центры от иных неправительственных организаций (групп интересов, профсоюзов, религиозных объединений и др.), которые не менее активны в своих контактах (предоставление консультаций, оказание влияния и др.) с государством. Наблюдая за практикой взаимоотношений групп интересов (лоббистов) и правительства, аналитические центры вбирали в себя наиболее эффективные инструменты воздействия и каналы коммуникации групп интересов, что в итоге размывает институциональные границы, различия между аналитическими центрами и группами интересов.

В своём исследовании мы будем руководствоваться определением аналитического (мозгового) центра, предложенным Стивеном Буше, который сформулировал девять критериев, характеризующих исследователяскую организацию в качестве «мозгового центра»: во-первых, это организация, действующая на постоянной основе; во-вторых, специализирующаяся на производстве общественно значимых решений для сферы политики; в-третьих, благодаря штату сотрудников, посвятивших свой полный рабочий день исследованиям; в-четвёртых, которые в свою очередь производят оригинальные идеи, осуществляют систематический анализ информации и проводят консультации; в-пятых, результаты систематического анализа в виде оригинальных идей доводятся до политиков и общественного мнения; в-шестых, такие организации не несут ответственности за деятельность правительств; в-седьмых, стремятся к независимости от частных интересов и сохраняют свободу в выборе повестки дня в рамках собственных исследований; в-восьмых, основная деятельность не сводится к образованию и выдаче дипломов; в-девятых, в не последнюю очередь их явная или неявная цель заключается в продуцировании общественного блага, в отличие от чисто коммерческих структур [10, p. 2–3].

Аналитические центры отличаются друг от друга набором привлекаемых инструментов в реализации ключевых целей и задач. Если, например, аналитический центр стремится иметь долгосрочное влияние на

формирование целей внешней политики Таиланда, он может пригласить членов правительства или партийных лидеров принять участие в регулярных политических семинарах, а не пытаться достичь этой цели посредством публикаций в СМИ и привлечения иных медийных ресурсов, рассчитанных на массовую аудиторию. И наоборот, если основная цель аналитического центра в том, чтобы помочь сформировать актуальную повестку и провести широкое обсуждение проводимого внешнеполитического курса страны, то центр может придать более высокий приоритет в получении доступа к средствам массовой информации, чем написанию аналитических материалов для членов правительства. Иными словами, каждый аналитический центр должен уметь правильно позиционироваться в условиях усиления конкуренции на рынке идей, должен найти свою определённую нишу. Аналитический центр должен определить свои стратегические цели, которые подходят выбранной целевой аудитории, и определить временные рамки, в рамках которых центр посредством влияния способен достичь поставленных целей. Понимание обо значенных нюансов позволит исследователю объяснить, как и почему аналитические центры осуществляют прямое и косвенное влияние на политический процесс.

Несмотря на то обстоятельство, что аналитические центры Таиланда и центры Канады, Австралии, Новой Зеландии, Китая и других стран функционируют в разных организационно-правовых условиях, но вместе с этим они полагаются на схожие стратегии для повышения своего присутствия в политическом поле и принятия политических решений. Они проводят форумы и конференции для обсуждения ключевых вопросов внутренней и внешней политики, поощряют своих учёных проводить лекции в университетах, политических клубах и других общественных организациях, издаёт широкий спектр изданий, включая книги, журналы, бюллетени и доклады на конференциях. Большинство аналитических центров имеют собственные домашние страницы в Интернете и аккаунты в социальных медиа (Facebook, Twitter), чтобы иметь возможность эффективного самопродвижения и коммуникации с целевыми аудиториями.

В то же время усилия аналитических центров по укреплению связей с политиками зачастую скрыты от широкой общественности и потенциальных исследователей по причине своей кулуарности, закрытости. В рамках этого направления аналитические центры используют разные каналы коммуникации. Эти каналы могут варьироваться от приглашения политиков посетить семинары о том, как должным образом сформировать необходимую политическую повестку дня, до участия учёных из аналитических центров в работе разного рода правительственных консультативных советов. В дальнейшем мы остановимся на ряде факторов, которые могут способствовать и ограничивать усилия аналитических центров Таиланда в воплощении этих стратегий в жизнь.

Одним из важнейших признаков суверенного государства является наличие у него определённого, достаточно стабильного и закономерного (то есть отвечающего его природе, характеру, особенностям) процесса формирования и осуществления поведения данного государства в сфере международной жизни, что принято называть внешнеполитическим процессом. Единой точки зрения по поводу того, что есть внешнеполитический процесс, как и в случае с операционализацией термина «аналитический», нет. А.И. Кондратов под внешнеполитическим процессом государства понимает «взаимодействие между элементами-субъектами системы внешнеполитических отношений государства либо внешнеполитическое воздействие государства на объекты его внешнеполитических интересов, осуществляемое во времени и пространстве и приводящее к изменениям в данном государстве и/или в объектах его интересов» [4,

с. 154]. Т.А. Алексеева под внешнеполитическим процессом понимает процесс «принятия внешнеполитических решений в условиях определённых ограничений, налагаемых внешней средой и так или иначе осознаваемых акторами, принимающими решения» [1, с. 4]. Н.А. Косолапов под внешнеполитическим процессом подразумевает «исторически сложившиеся в стране фактические обычаи и порядок формирования и осуществления её внешней политики со всеми их структурами, процедурами, участниками, особенностями» [5, с. 70]. В более узком смысле под внешнеполитическим процессом следует понимать «технологическую сторону работы органов власти, высшего руководства и обеспечения международного курса государства: прохождение информации и документов; порядок подготовки, обсуждения и принятия решений, внесения изменений в ранее принятые; организацию исполнения и контроля за ними» [5, с. 70].

Исходя из приведённых определений внешнеполитического процесса, мы можем сделать вывод, что чаще всего именно государство отождествляют с формальными аспектами системы принятия внешнеполитических решений (например, с тем, что прописано в конституции страны или иных законах). Не отвергая тезиса о том, что важнейшую роль в структуре акторов внешнеполитического процесса играют формальные государственные институты (президенты, правительства, парламенты, министерства и др.), в тоже время отметим все возрастающую роль в принятии таких решений негосударственных (неформальных) участников (например, НКО, СМИ или аналитические центры).

Соотношение формальных и неформальных институтов принятия решений и определяет специфику внешнеполитического процесса в той или иной стране. Т.А. Алексеева утверждает, что данная специфика обусловлена двумя группами факторов. К первой группе относятся особенности социально-политических режимов (формальные институты), а ко второй группе – культурно-цивилизационные особенности (неформальные институты). «Формальные и неформальные институты тесно взаимодействуют между собой. Люди в своём поведении интерпретируют формальные системы ограничений в соответствии с неформальными правилами. Например, законы понимаются в соответствии со сложившейся неформальной традицией их толкования и применения. Поэтому можно утверждать, что системно-режимные и культурно-цивилизационные характеристики разных государств, т.е. их формальные и неформальные институты, на самом деле тесно между собой переплетены и непрерывно взаимодействуют» [1, с. 7].

Две группы факторов являются основой для классификации внешнеполитического процесса по типам государственных институтов: авторитарные – демократические; тоталитарные – посттоталитарные; либеральные – «нелиберальные демократии». Вопрос, к какому из названных типов относится внешнеполитический процесс Таиланда, остаётся дискуссионным, но с учётом последнего военного переворота в Таиланде в 2014 г. можно сказать, что данный процесс эволюционирует от модели «нелиберальной демократии» к авторитарному.

Термин «нелиберальная демократия» был введён американским политологом Ф. Закария. Он описывал страны, занимающие промежуточное положение между демократиями и авторитаризмом, где «формально демократические институты радикальным образом переинтерпретируются на основе специфических социокультурных особенностей» [3, с. 89]. Таиланд в отличие от ранее исследованного Сингапура относится к группе стран, в которых происходит постоянное привнесение демократических форм правления, а в период социально-экономической нестабильности в результате военных переворотов происходит отказ от демократических нововведений. Таиланд формально принимает демократические инсти-

туты, но кардинально адаптирует эти институты к национальным историческим и культурным особенностям.

Политическая система Таиланда отличается достаточно высокой степенью нестабильности, носящей циклический характер. Она характеризуется периодическими военными переворотами и иными формами вмешательства армии в политический процесс. Как правило, перевороты случаются в результате роста политической борьбы, угрожающей распадом государственности, выходом из-под контроля коррупции. Система государственного управления в периоды возврата к демократии отличалась крайней коррумпированностью и неэффективностью, что и вызывало периодическое вмешательство тайской армии. Армия проводила «коррекцию» политического процесса, а затем вновь восстанавливала демократию с национальной спецификой.

В Таиланде с установлением в 1932 г. конституционной монархии произошло 19 государственных переворотов. Периодические перевороты приводили к отмене старой конституции и введению новой, так были приняты 19 конституций, включая временные. Последний военный переворот произошёл 22 мая 2014 г., как следствие затяжного политического кризиса в стране, и завершился свержением законно избранного премьер-министра Инглак Чиннават и её правительства [9]. Тайское общество на протяжении года разделял острый политический конфликт между сторонниками Таксина Чиннавата и Инглак Чинаават, представляющих правящую партию «Пхья Тхай» и противниками в лице сторонников Демократической партии Таиланда. Военные, долго наблюдавшие за нарастающим кризисом, под лозунгами борьбы с коррупцией фактически покончили с тайской «нелиберальной демократией». «С выборной демократией было покончено с первого же дня переворота. Был установлен авторитарный режим, обновлённая форма военной диктатуры образца XXI в., исключаяющей представительство населения в политической системе страны» [6, с. 94].

События мая 2014 г. и последовавшие за ними действия военной хунты по сворачиванию демократии внесли свои коррективы в видение особенностей внешнеполитического процесса Таиланда. Можно выделить следующие особенности внешнеполитического процесса Таиланда на современном этапе.

Во-первых, низкая степень дифференциации и высокая степень интеграции внешнеполитического процесса в рамках бюрократической модели. Концентрация власти в руках военных упрощает процедуры выработки внешнеполитических решений и завязывает процесс принятия таких решения на бюрократические структуры. Принимаемые решения являются результатом торга между различными ведомствами, имеющими внешнеполитические интересы (армия, МИД, финансы), иерархически расположенными в рамках государственной структуры. Аналитические центры при такой модели практически не вовлекаются во внешнеполитический процесс.

Во-вторых, партийная политика в условиях установленного военного режима неконкурентна. Общепринятые «правила игры» не позволяют решать возникающие конфликты в рамках демократических процедур, а значит, внешнеполитические интересы политических сил, противостоящих правящему военному режиму, не будут приниматься в расчёт. Режим вывел за границы политического участия все политические партии, что должно подорвать политические перспективы Таксина Чиннавата и его социальную базу поддержки.

В-третьих, гражданское общество чрезвычайно слабо развито и не оказывает существенного влияния на внешнеполитический процесс. В стране отсутствует диалог между государством и гражданским обществом. Военные воспринимают себя в качестве единственной силы, спо-

собной принести порядок Таиланду, а гражданскому обществу в этой конструкции нет места. Аналитические центры на практике не являются посредниками между государством и гражданским обществом.

В-четвёртых, низкая степень гласности и транспарентности внешнеполитического процесса. Роль СМИ в обсуждении ключевых внешнеполитических проблем весьма низка. Ключевые решения принимаются кулуарно посредством бюрократической процедуры, что минимизирует перспективность участия аналитических центров, сам процесс носит закрытый характер.

В-пятых, внешнеполитические проблемы могут обсуждаться в обществе, но поиска консенсуса и выработки общенациональных, а не узкогосударственных интересов не наблюдается. Ротации власти ожидать не приходится, так как новая конституция свидетельствует, что «тайландские политики из числа гражданских чиновников и военного руководства будут стараться внести такие изменения в политическую систему (прежде всего в избирательную), которые гарантировали бы им прочные позиции в руководстве страны в отсутствие конкурентной борьбы за власть» [6, с. 95].

В-шестых, низкая роль экспертов и специалистов-учёных на этапах разработки внешнеполитических решений. Аналитические центры не оказывают значительного влияния на тайских политиков. Данное обстоятельство объясняется низким статусом социальных наук как дающих «позитивное», «неангажированное» политической позицией знание.

Схема внешнеполитического процесса, в общем её виде, повторяет организационно-политическую структуру тайского государства, но выделяет из его устройстве только те элементы, которые связаны с формированием и осуществлением внешней политики. Главную часть процесса образует сектор высшей власти, в котором непосредственно принимаются внешнеполитические решения.

Таиланд – это парламентская конституционная монархия, где главой государства является король. После смерти 13 октября 2016 г. короля Пхупипона Адульядета, новым королём был провозглашён Маха Вачиралонгкорн. В отличие от Короля Пхумипона Адульядета, которого многие подданные называли «Отцом» и едва ли не обожествляли, его сын не пользуется среди тайцев безоговорочной поддержкой. Главной причиной является его скандальная медийная известность, а также неудачный брак с последней женой Срирасми, который закончился разводом и лишением принцессы всех привилегий, а также возбуждением уголовных дел против её родственников, но при этом никто не ставит под сомнение священный институт тайской монархии. Новая конституция оставляет за монархом прежние функции в сфере внешней политики: право объявлять войну с согласия парламента, право заключать международные соглашения с другими государствами или международными организациями. Специалист по внутренней политике Таиланда Дункан Мак-Карго охарактеризовал тайскую монархию в качестве «сетевой монархии», где монарх рассматривался «одновременно и как верховный арбитр в разрешении возникающих политических противоречий, и как основной источник национальной легитимности. При этом именно король формулировал повестку для национального развития» [2, с. 190]. Вероятно, что данное утверждение было связано непосредственно с личностью самого короля Таиланда, Пхупипона Адульядета, который обладал непререкаемым авторитетом в обществе. Нынешний король такого авторитета не имеет. Армейская хунта с подозрительностью относится к фигуре ныне правящего короля. Эксперты отмечают, что время военного переворота было выбрано не случайно. Маха Вачиралонгкорн отсутствовал в стране в момент переворота, чем воспользовались тайские военные, подозревавшие кронпринца в симпатии к опальному Таксину Чиннавату.

Однако, как и во всех парламентских монархиях, власть монарха ограничена и скорее носит церемониальные функции.

Центр реальной власти сосредоточен в Кабинете министров Таиланда, который является высшим органом исполнительной власти страны. Главой кабинета министров является премьер-министр. Прерогатива формирования внешней политики государства лежит на Кабинете министров и его главе. С 24 августа 2014 г. эту должность занимает глава военной хунты, генерал Прают Чан-Оча. До переворота победившая на выборах политическая партия формировала кабинет министров во главе с лидером партии и главой фракции в Национальной Ассамблее (парламенте) Таиланда. Военные после переворота коренным образом изменили ситуацию. Новая конституция содержит положение, которое даёт возможность выбора на пост премьер-министра лица, не являющегося избранным депутатом парламента и не принадлежащего ни к одной из политических партий [7, с. 120]. Такая процедура будет действовать предстоящие пять лет. Военная хунта распустила действующий парламент и сформировала новый состав Национальной Ассамблеи. В новый состав парламента были назначены (не выбраны) 200 человек, приближенных к хунте: 100 военных, 9 полицейских, 43 чиновника, 22 бывших сенатора, 12 ректоров университетов, 12 бизнесменов и ещё 14 лиц без определённого рода деятельности [6, с. 95]. В 2016 г. состав ассамблеи был увеличен до 250 человек за счёт действующих военных. Этот состав парламента практически единогласно утвердил Прают Чан-Оча 29-м премьер-министром Таиланда. В состав кабинета министров вошли 33 человека, и из них 13 военных. Военные полностью узурпировали все рычаги по принятию всех политических решений в стране, в том числе и внешнеполитических.

К Кабинету министров примыкает костяк ведомств, постоянно участвующих в определении внешней политики государства: министерства иностранных дел, обороны и иные заинтересованные ведомства. Органы исполнительной власти Таиланда в вопросах внешней политики действуют в рамках своих конституционных полномочий и сегодня без оглядки на подконтрольный парламент страны. Закрытый характер принятия решений не позволяет вовлекаться в данный процесс политическим партиям, аналитическим центрам, иным институтам гражданского общества. Ужимаются и возможности групп интересов.

Ключевым государственным органом, занимающимся разработкой и реализацией внешнеполитических решений, является Министерство иностранных дел Таиланда. МИД «занимается текущими вопросами, связанными с осуществлением внешнеполитических задач, посредством деятельности посольств и консульств обеспечивает представительство интересов Таиланда за рубежом, разрабатывает предложения по проведению внешнеполитического курса, которые затем передаются на рассмотрение в правительство. В рамках еженедельных встреч представителей МИДа и правительства осуществляется процесс обсуждения министерских инициатив и таким образом поддерживается обратная связь между кабинетом министров и министерство» [2, с. 186]. В период пребывания военных у власти, разработка внешнеполитических решений строится преимущественно не на процессе внутриминистерских консультаций, а на основе единоличных решений министра иностранных дел.

В условиях «военного правления» особую значимость в процессе принятия внешнеполитических решений играет министерство обороны Таиланда, руководящее королевскими сухопутными силами, королевским военно-морским флотом, королевскими военно-воздушными силами. Внешнеполитический процесс в значительной мере сегодня обусловлен логикой действия находящейся у власти военно-бюрократической

группировки, которая реагирует на внутренние и внешние угрозы национальной безопасности.

К сектору высшей власти относится Совет национальной безопасности Таиланда. Совет является консультативным органом при премьер-министре и консультирует последнего по вопросам национальной безопасности, внешней политики страны. Членами Совета являются премьер-министр, генеральный секретарь Совета, министр обороны, главнокомандующий вооружёнными силами, министр иностранных дел, министр внутренних дел, министр финансов, министр связи. В настоящее время должность генерального секретаря занимает генерал Ванлоп Рангсанаох.

Роль парламента Таиланда в принятии внешнеполитических решений весьма ограничена, а в условиях военного режима существенно девальвировалась. Конституция предписывает выносить на одобрение парламента только те международные договоры и соглашения, которые касаются изменения границ или принятия решений, существенно влияющих на социально-экономическую стабильность в стране, т.е. преимущественно одобрения требовали вопросы экономического развития (бюджет, инвестиционная политика, финансовая политика и др.). Конституция предписывает правительству только разъяснять парламенту содержание большей части международных договоров и соглашений, но не требует их ратификации со стороны парламента.

Разгон законно избранного парламента в 2014 г. и формирование хунтой «ручного» парламента, представляющего интересы не народа, а военно-бюрократической элиты, свело на нет роль представительных органов власти в разработке и принятии решений в сфере национальной безопасности и внешней политики страны. Военный режим откладывает выборы в новый парламента на неопределённый срок, а саму процедуру выборов определяют новые институциональные ограничения, которые усложняют для оппозиции перспективы попасть в новый состав парламента. Новая конституция наделяет судебные органы правом импичмента депутатов парламента, если поведение последних не соответствует установленным этическим нормам. Вероятно, что данные этические нормы будут сформулированы военными и практика их применения будет весьма субъективной.

Внешняя политика Таиланда разрабатывается и формулируется ограниченным числом специалистов-профессионалов. Численность этих специалистов явно больше узкого круга принимающих решения. Эти специалисты в области внешней политики ассоциированы каждый со своим министерством или ведомством, что уже вносит в их среду некое разнообразие интересов, взглядов, подходов. Прают Чан-Оча декларирует построение «демократии тайского стиля» в противовес западной демократии, которая, по его мнению, не всегда отвечает ценностям тайского общества. В реальности же военный режим в настоящее время выстраивает модель «управляемой демократии» сродни авторитаризму. Режим постарается и впредь сохранить власть за тайским истеблишментом в лице военных и связанной с ними бюрократией. Отметим тот факт, что Таиланд не является исключением из правил. Общим для всех стран Юго-Восточной Азии является наличие в странах региона сильных бюрократических систем. Именно бюрократии стран ЮВА сыграли важную роль в руководстве трансформационным процессом и в осуществлении политики модернизации, столь необходимой для экономического роста государств.

Бюрократическая модель в сфере государственного управления диктует разработчикам внешнеполитического курса Таиланда требования максимально высокого профессионализма в сфере разработки и принятия внешнеполитических решений, что минимизирует потреб-

ность укрепления в этой сфере демократических начал в форме вовлечения во внешнеполитический процесс многочисленных заинтересованных (групп интересов, общественных организаций, аналитических центров и др.). Тайская «управляемая демократия» подавляет дискуссии и борьбу по вопросам внешней политики в парламенте, партиях, среди специалистов науки и практики, в общественных движениях и иных социальных структурах. Например, «разработки научно-академического сообщества, в силу отмеченных особенностей роли МИДа во внешней политике Таиланда в послевоенные десятилетия, также не находили масштабного применения в информационно-аналитическом обеспечении процесса принятия внешнеполитического решения» [2, с. 187].

Это не означает, что потенциальные заинтересованные в тех или иных внешнеполитических решениях, например, группы интересов не пытались влиять на власть, но они предпочитали продвигать своих интересы путём установления личных контактов с армейской и бюрократической верхушкой. Исключением стал так как называемый период «нелиберальной демократии» конца XX – начала XXI в., когда тайский бизнес стал проявлять большую активность в артикуляции своих экономических и политических решений. В 2001 г. именно бизнес поддержал Таксина Чиннавата в борьбе за премьерское кресло.

Продолжение следует

Литература

1. Алексеева Т.А., Казанцев А.А. Внешнеполитический процесс. Сравнительный анализ: Учеб. пособие для студентов вузов / Т.А. Алексеева, А.А. Казанцев. М.: Аспект Пресс, 2012. 223 с.
2. Внешнеполитический процесс на Востоке: Учеб. пособие для студентов вузов / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2017. 352 с.
3. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004. 383 с.
4. Кондратов А.И. Внешнеполитическая деятельность государства в международно-политическом процессе // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 2. С. 151–156.
5. Косолапов Н.А. Внешняя политика и внешнеполитический процесс субъектов международных отношений // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 3. С. 64–73.
6. Рогожина Н.Г. Военные укрепляют власть в Таиланде // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2014. № 24. С. 93–104.
7. Фомичева Е.А. Референдум по новой конституции и перспективы политического развития Таиланда // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2016. № 30. С. 118–124.
8. Abhisit calls for bigger role for Thai think tanks // [Электронный ресурс]. URL <https://www.pressreader.com/thailand/bangkok-post/20170209/281595240274262> (дата обращения 02.09.2017 г.).
9. Campbell C. Thai Army Declares Military Coup // [Электронный ресурс]. URL <http://time.com/108719/thai-army-declares-military-coup/> (дата обращения 02.09.2017 г.).
10. Boucher, Stephen, et al., Europe and its think tanks; a promise to be fulfilled. An analysis of think tanks specialized in European policy issues in the enlarged European Union, Studies and Research No 35, October, Paris, Notre Europe, 2004

11. Mc Gann J. Think Tanks and the transnationlization of foreign policy // [Электронный ресурс]. URL: <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/iipe/pj73mcgann.htm> (дата обращения 1.08.2017 г.).
12. Rich A. Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise, Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 272 p.
13. Stone D. Capturing the Political Imagination, Think Tanks and the Political Process, London: Frank Cass, 1996. 344 p.
14. Weaver K. The Changing World of Think Tanks // PS: Political Science and Politics. 1989. № 22(3). P. 563–578.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Alekseeva T.A., Kazantsev A.A. Vneshnepoliticheskij protsess. Sravnitel'nyj analiz: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov / T.A. Alekseeva, A.A. Kazantsev. M.: Aspekt Press, 2012. 223 s.
2. Vneshnepoliticheskij protsess na Vostoke: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov / Pod red. D.V. Strel'tsova. M.: Aspekt Press, 2017. 352 s.
3. Zakariya F. Budushhee svobody: neliberal'naya demokratiya v SSHA i za ikh predelami. M.: Lodomir, 2004. 383 s.
4. Kondratov A.I. Vneshnepoliticheskaya deyatel'nost' gosudarstva v mezhdunarodno-politicheskom protsesse // Vestnik MGIMO Universiteta. 2011. № 2. S. 151–156.
5. Kosolapov N.A. Vneshnyaya politika i vneshnepoliticheskij protsess sub"ektov mezhdunarodnykh otnoshenij // Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 1999. № 3. S. 64–73.
6. Rogozhina N.G. Voennye ukreplyayut vlast' v Tailande // YUgo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya. 2014. № 24. S. 93–104.
7. Fomicheva E.A. Referendum po novoj konstitutsii i perspektivy politicheskogo razvitiya Tailanda // YUgo-Vostochnaya Aziya: aktual'nye problemy razvitiya. 2016. № 30. S. 118–124.
8. Abhisit calls for bigger role for Thai think tanks // [Ehlektronnyj resurs]. URL <https://www.pressreader.com/thailand/bangkok-post/20170209/281595240274262> (data obrashheniya 02.09.2017 g.).
9. Campbell C. Thai Army Declares Military Coup // [Ehlektronnyj resurs]. URL <http://time.com/108719/thai-army-declares-military-coup/> (data obrashheniya 02.09.2017 g.).
10. Boucher, Stephen, et al., Europe and its think tanks; a promise to be fulfilled. An analysis of think tanks specialized in European policy issues in the enlarged European Union, Studies and Research No 35, October, Paris, Notre Europe, 2004
11. Mc Gann J. Think Tanks and the transnationlization of foreign policy // [Ehlektronnyj resurs]. URL: <http://usinfo.state.gov/journals/itps/1102/iipe/pj73mcgann.htm> (data obrashheniya 1.08.2017 g.).
12. Rich A. Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise, Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 272 p.
13. Stone D. Capturing the Political Imagination, Think Tanks and the Political Process, London: Frank Cass, 1996. 344 p.
14. Weaver K. The Changing World of Think Tanks // PS: Political Science and Politics. 1989. № 22(3). P. 563–578.